

1990. - 19 мая. - с. 10

ЖУРНАЛИСТЫ и зрители часто называют меня волшебником, что, согласись, слышать и читать приятно: это такая высокая оценка моего искусства, выше которой вроде бы и не бывает. Правда, искусство иллюзиониста называют волшебством и по другим причинам: всевозможные появления и исчезновения со сцены предметов, людей, животных, которые непосвященный зритель объяснить не в состоянии, заставляют смотреть на иллюзиониста, как на человека, обладающего какой-то мистической силой. И слово «волшебник» приобретает здесь прямой смысл — человек, способный делать что-то, простому смертному не доступное. Я, правда, волшебником себя не считаю — мне, грешному, все досталось огромным трудом, ежедневными многолетними тренировками. И когда мне говорят волшебник, я горжусь только

ИЛЛЮЗИИ ГЛАЗАМИ ИЛЛЮЗИОНИСТА

тем, что я мастер и потому чего-то стою в жизни.

Я не делаю секрета из, казалось бы, таинственной профессии. Пусть человек знает, как многое можно сделать, если упорно и плодотворно трудиться, — за усердие воздается сторицей. Конечно, есть у меня и свои профессиональные тайны. Но как же без них? Впрочем, дело не в этом и разговор не о тайнах. Мне хотелось бы поразмышлять об этике иллюзиониста — артиста этого воистину оригинального жанра искусства.

Есть категория артистов, которые честно работают в этом жанре, пытаются найти себя, стать личностью, неповторимой, единственной в своем роде. Прямо скажем, нелегкий, но благородный путь. Путь в большое искусство. Тут хватает и ухабов, и всякого рода препятствий. Для того чтобы как-то привлечь к себе внимание зрителей, нужны и талант, и везение, и еще много, много чего. И путь этот подвластен далеко не каждому — не каждый может вынести его трудности.

Однако есть немало людей, которые ищут не большие пути, а легкие тропочки, выводящие к желанной цели признания. Не особенно задумываясь, что несут они людям, безупречна ли в нравственном отношении избранная ими дорога.

Вот и появляются на сцене разного рода «феномены». И память-то у них необыкновенная, и обладают они некими телепатическими способностями... Поверьте мне. Я за свои пятьдесят лет работы на сцене видел много таких «уникумов», и, право же, для специалиста они не загадка, нет в них на самом деле ничего необыкновенного.

ЛЮДИ старшего поколения, наверное, помнят «феноменального» Вольфа Мессинга, прославившегося своими «Психологическими опытами». Сколько было шума вокруг этого имени, сколько рассказов! Дескать, может этот Мессинг выполнять любые мысленные команды зрителей, угадывать цифры в запечатанных конвертах, определять содержимое чужих карманов, обладает необыкновенной памятью. Ходила еще легенда, что он запросто мог пройти к Сталину, минуя охрану... У Берии был таким же образом... В общем, волшебник, да и только. И вот в сентябре прошлого года в газете «Советская Россия» были напечатаны откровения Вольфа Мессинга, записанные Игнатием Шенфельдом. Ничего сверхъестественного. Все чистой воды трюкачество и нагнетание таинственности, вызвавшей различные «байки». «Волшебник» с большой долей иронии вспоминает, как он с испугу стал великим и как за счет невежества некоторых руководящих работников он, покинув Варшаву, неплохо жил в Советском Союзе.

Для меня в его выступлениях ничего никакой тайны не было и нет, потому что это касалось моей профессии. Еще при его жизни я делал те же номера, только старался делать легко, иронично, с улыбкой. Никакой таинственности, усилий, напряжения. Обыкновенные трюки. О, сколько неудовольствия и взрывов негодования в мой адрес было тогда высказано! Я просто подрывал его дело на корню!

И, надо сказать, я далеко не единственный, кто и тогда, и позднее делал те же трюки, — многие и сегодня работают так же. Только славы Вольфа Мессинга им не досталось. Исчерпалась она, хотя лавры его все же не дают покоя некоторым артистам, и нет-нет, да и встречаются новые «феномены».

Не так давно по Московской программе телевидения показали встречу с артистом, которую вел главный редактор журнала «Юность» Андрей Дементьев. Артист демонстрировал необыкновенную память, некоторые физические возможности, чем вызвал восторг присутствовавших в студии. Они восхищались необыкновенностью данных артиста, а тот всячески поддерживал их оценки, не пытаясь даже скромно отнекиваться, дескать, что вы, что вы... Принимал похвалу как должное.

А жалы! Ведь в этих трюках нет ни капельки необычного. И утверждать или настаивать на обратном по меньшей мере ошибочно, а в худшем случае — непорочно. Зачем людям морочить голову. Демонстрация феноменальной памяти — обыкновенный трюк, известный многим артистам оригинального жанра. Непревзойденным мастером в этом жанре был в 50-х годах ленинградский артист М. Кунин.

Сложнее с другой категорией... хотел сказать «артистов», а потом задумался, да так и не смог подобрать слова, чтобы как-то назвать этих людей. Речь идет о тех, кто, обладая какими-то способностями, а то и не обладая ими, шел и идет на сцену, всяческими способами, чистыми и не очень, заставляя зрителя верить в свою необыкновенность.

Тут прежде всего назову гипнотизеров. Да-да, гипноз — огромное поле деятельности для шарлатанов. Они появляются в немислимых количествах, как только создаются соответствующие условия. «Когда подводил здоровый шехель, искали необычайного», — объясняет в своих откровениях Вольф Мессинг.

Что же это за гипнотизеры? Не очень-то надеясь на свой «феномен», они нанимали раньше безработных, а ныне — людей без определенных занятий, и по команде или просьбе «волшебника» выходят на сцену как представители зрителей, сделав все, что от них требует «загипнотизировавший» их «артист», и получают после спектакля свои деньги. Идут на сцену и непосвященные. Конечно, у них ничего не получалось, но и это не считается неудачей: дескать, не всякий может быть загипнотизированным.

Вообще, иллюзионное искусство как-то подозрительно тянется к медицине. И с чего бы это? Что их объединяет? Как я понимаю, настоящее искусство может быть блестящим психотерапевтическим средством. То есть у зрителя улучшаются настроение, общее состояние, он переживает огромное удовольствие от этой встречи. Если это, я подчеркиваю, настоящее искусство. Больше связей с медициной я не вижу. Да и не только я.

Однако приходилось мне видеть, и не раз, как обыкновенное иллюзионное искусство превращали в некое необычайное медицинское средство, и это меня крайне возмущает, потому что налицо явное, да к тому же и безобидное шарлатанство.

Мне, пожалуй, одному из первых пришлось доказывать в печати, что искусство филиппинских хиллеров, людей, якобы делающих операцию без скальпеля, одними руками, — искусство иллюзионное, и не более того. Потом об этом говорили многие. А совсем недавно в газете «Советская культура» была перепечатана статья западногерманского журналиста Хельмара фон Дитfurта, в которой он категорически называет филиппинское «чудо» аферой XX века. И доказывает свою мысль, опираясь не только на свои впечатления, но и на свидетель-

ства филиппинского манипулятора «мага Кристиана».

Однако как трудно преодолевать стереотип человеческого мышления. Людям всегда хочется хоть немного чуда. И когда говоришь, что кажущееся необычным никакого отношения к чуду не имеет, ты рискуешь вызвать... хорошо если только неудовольствие. И все же, как ни странно, зачастую, когда ученые не в состоянии объяснить то или иное явление и молчат, разгадку находит иллюзионист. История знает тому немало примеров.

Вообще наше время удивительно, и подчас мне просто непонятно. Если раньше, например, в оценке всех необычных явлений мы руководствовались железным правилом: этого не может быть, потому что быть не может, то теперь мы пользуемся не менее невежественным правилом: все бывает. Хотя и то, и другое ведет по ложному пути — пути невежества. И тем обиднее, что этот путь используют подчас наши средства информации.

На экране телевизоров появляются колдуны, и нас всерьез убеждают, что они «всесильны», молодые интеллигентные ведущие. Для Всесоюзного радио на полном серьезе берутся интервью у людей, души которых (или они сами) летают куда-то в запредельные космические пространства и встречаются с тамошними небожителями, черпают энергию из космоса. Со страниц газет и журналов не исчезают материалы о ясновидящих, различных предсказателях далекого будущего и близкого конца света, а в лучшем случае — землетрясения.

В общем, когда подводит «здоровый шехель», ищут необычного. Только этим я могу объяснить телевизионные шоу, которые проходили и проходят на нашем экране. На мой взгляд, это отвлекающая психотерапия.

Объяснения иллюзиониста тут могут показаться неубедительными, однако вряд ли я ошибусь, если скажу, что существование этих телешоу объясняется нашей бедностью, научной и практической несостоятельностью медицины. У нас ведь дефицит всего: лекарств, хороших врачей, койко-мест в больницах, хорошего отношения друг к другу, милосердия, в общем, всего.

А тут, пожалуйста. Ты сядишь перед экраном, перед тобой человек медленно жестикулирует, и через несколько минут считаешь себя здоровым. А если ты не забыл поставить перед экраном баночку с водой или кремом, то можешь поймать здоровье впрок. Впрочем, если и забыл — неважно. Купи газету с заряженным портретом целителя и целых 10 дней будешь находиться под его благотворным воздействием. Христос, да и только. И хоть бы слово сказали ученые!

Бедные шарлатаны далекого прошлого! Разве вам снились такие огромные, многомиллионные аудитории. А умнейший авантюрист граф Калиостро — разве мог даже мечтать о них? Да никогда. Мелкие вы и жалкие, когда мы посмотрим на вас с высоты наших дней.

У НАС пользуются вниманием и разные по масштабу «целители». Например, многочисленные экстрасенсы. Отдыхали мы с женой на юге и там, в гостинице, встретили человека, которого знали давно. Разговорились. Выяснилось, что он здесь, в гостинице, работает экстрасенсом. Надо же...

— Слушай, — говорю я ему. — Ты же шарлатан, какой ты экстрасенс...

Ничуть не обидевшись, он ответил: — Да, но мне верят, ко мне идут и хорошо платят. И самое забавное, кое-кто, даже говорят, излечивается. Почему же мне и не заниматься моим делом?..

Ну что тут скажешь. Миллионы людей усаживаются по вечерам у телеэкрана с надеждой, что спустя некоторое время они встанут совершенно здоровыми. Напряженно смотрят в глаза своего кумира, стараются делать все, что он говорит. И ждут чуда — авось исцелятся. А чудо, оно ведь и есть чудо и доступно далеко не всем. А может быть, лучше, если бы психотерапевты сидели в своих кабинетах и вели обычный прием персонально с каждым больным. Может, от этого был бы больший эффект? А может, нам надо увеличить расходы на медицину, чтобы всегда находить нужные лекарства в аптеках, чтобы больницы наши не напоминали места заключения, а были бы уютны и просторны? А может, врачам нашим надо больше улыбаться и заглядывать больному в глаза, а не только в его историю болезни? Доброта и милосердие — такая сильная психотерапия.

Я верю, что все так и будет. И когда мы, наконец, перестроимся, то вряд ли нам тогда понадобятся подобные телевизионные шоу.

Я верю в человека, в нашего современника — культурного, образованного. А он, по-своему, тоже феномен. И это единственный феномен, в который я верю.

Арутюн АКОПЯН,
народный артист СССР.